

МАКСИМОВ Н. С. — в МПКК

МАКСИМОВ Николай Сергеевич, родился в 1869. В 1888 — окончил 1-й кадетский корпус, в 1890 — 2-е военное Константиновское училище, выпущен в 27-ю артиллерийскую бригаду, затем служил в Осовецкой крепостной артиллерии; с 1893 — поручик, с 1897 — штабс-капитан. В 1899 — окончил Николаевскую академию Генштаба по 1-му разряду, с июня — капитан, служил в Осовецком крепостном пехотном полку при Варшавском военном округе. С июля 1902 — старший адъютант штаба 15-й кавказской дивизии, с мая 1903 — начальник строевого отдела штаба Осовецкой крепости, с декабря — начальник штаба Осовецкой крепости по пересоставлению плана обороны, подполковник. В феврале 1905 — штаб-офицер для особых поручений при штабе 19-го армейского корпуса, с мая — начальник штаба 1-й Кавказской дивизии, с декабря 1907 — полковник. В 1909 — прикомандирован к кавалерии, с мая по июль 1910 — к артиллерии. С мая 1913 — командир 79-го пехотного Куринского полка; с июня 1915 — помощник начальника штаба Кавказского военного округа на театре военных действий, осенью 1916 — временный начальник штаба, с октября — начальник штаба 1-й Сибирской стрелковой дивизии на Западном фронте, с декабря — командир 198-го пехотного Александро-Невского полка на Юго-Западном фронте. С февраля 1917 — начальник штаба 56-й пехотной дивизии и председатель дивизионного совета; с апреля — командующий 56-й пехотной дивизией, генерал-майор. В сентябре — контужен и эвакуирован с фронта. С 20 октября 1917 по февраль 1918 — генерал для особых поручений при ГК Кавказской армией, генерал-лейтенант¹. Остался в Грузии, проживал в Цихис-Дзири Батумской области, занимался сельским хозяйством, агроном; после окончания бухгалтерских курсов работал и бухгалтером. В 1919 — контрразведкой армии Деникина привлекался к суду «за сношение с советской Россией по политическим делам», но был оправдан. В июне 1920 — привлекался к суду с лишением права выезда из Грузии, был оправдан, после освобождения работал садоводом и сторожем. 23 марта 1921 — арестован по групповому делу, 14 июня отправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. В августе 1921 — по просьбе заведующего юридическим отделом Московского Политического Красного Креста заполнил "Опросный лист" и в графе "Особые замечания" записал.

<2 августа 1921>

«ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ (по возможности подробнее изложить сущность дела и допроса)

Надлежит сдать многомиллионную отчетность по делам демобилизации и ликвидации всех государственно-служащих бывших Кавказских фронтов и воен<ного> округа, как последнему представителю русских интересов в Закавказье и на территории Грузии, в особенности. До 20 октября 1920 г<ода> числился за штатом российской армии с правами Ком<андира> отд<ельной> армии и был лишен права выезда из пределов Грузии — в административном порядке, особенно в июне 1920 г<ода> за сношение с русским полномочным консулом в Батуме — товарищем Зверевым. После этого заболел тяжелой формой тропической малярии, а затем — в январе 1921 по 19 марта — брюшным тифом, когда и был арестован на четвертый день со дня разрешения "встать".

¹ Русская армия в Великой войне. grwar.ru/persons/persons.html...

Подпись

Н. Максимов»².

В декабре 1921 — сестрой Николая Сергеевича Максимова был заполнен на него второй "Опросный лист", и в графе "Особые замечания" ею написано.

<10 декабря 1921>

«ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ (по возможности подробнее изложить сущность дела и допроса)

Недавно узнала, что месяца 4 тому назад в Батуме арестован брат мой, Николай Сергеевич Максимов. С момента революции не знала о нем ничего, т<a>к к<a>к он находился в Тифлисе, и за все время ни от него, ни от семьи не имела сведений о нем. Очень прошу навести справку о нем, т<a>к к<a>к мне указали, что он перевезен в Москву, в Бутырки.

Адрес мой Петроград, Полозова ул<ица>, 5, кв. 5. Марии Сергеевне Ивановой-Скворцовой»³.

Николай Сергеевич Максимов был приговорен за «службу в царской армии» к 2 годам концлагеря и отправлен в Ново-Песковский лагерь, позднее переведен в Покровский лагерь. В июле 1922 — освобожден из концлагеря досрочно, о чем на втором "Опросном листе" есть помета секретаря юридического отдела Московского Политического Красного Креста: «Освобожден (спр<авка> из ГПУ 18.VII – 22 г<ода>).

Сначала Николай Сергеевич Максимов проживал в Москве, служил в Главном Управлении военно-учебных заведений; в 1924 — уволен в бессрочный отпуск в чине командира дивизии. Вернулся в село Цихис-Дзири (Аджария), работал чернорабочим на культурных плантациях. В 1927 и 1930 — арестовывался за «антисоветскую агитацию», но позднее освобождался без предъявления обвинения⁴. 20 марта 1931 — вновь арестован и заключен в Тифлисскую тюрьму (это был его шестой арест).

В сентябре 1931 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена Лидия Максимова.

<10 сентября 1931>

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам со своим горем и умоляю помочь мне.

Мой муж Николай Сергеевич Максимов, 62 лет, был арестован 20.III.1931 г<ода> и осужден Зак<авказским> ГПУ. Приговор ему не был прочтен и дело послано в Москву. Случайно узнала, что Тифлисское решение — 10 лет!

Надеюсь, что ОГПУ при внимательном и беспристрастном разборе дела, не утвердит этого сурового и незаслуженного приговора, т<ак> к<ак> при ознакомлении с делом, станет ясно, что обвинение совершенно необоснованно.

Это уже 6-й арест моего мужа, и в общей сложности он отбыл уже 26½ месяцев тюремного заключения совершенно безвинно, что каждый раз доказывало его освобождение. Оба мы и на этот раз ждали того же. И

² ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 217. С. 67. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 217. С. 68. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 568. С. 228

вместо того это невозможное обвинение по ст<атье> 58-2, поразившее меня своей чудовищной несправедливостью. Эта ссылка моего мужа в его возрасте, можно сказать, пожизненна. При его страшном изнурении многолетней жизнью впроголодь, непосильным чернорабочим трудом и тяжелой невралгией от контузии головы на войне, он ее, безусловно, не вынесет. Я без него также пропаду, оставшись совсем одинока, беспомощна, без всяких средств к существованию и нетрудоспособная (тяжелая болезнь сердца). За последние годы мы потеряли 3-х детей и вообще перенесли много несчастий и мучений. Судьба и жизнь моего мужа, как и моя, тесно сплетенные между собой, всецело находятся в руках ОГПУ, куда я хотела бы подать заявление. Но, послав его прямо почтой, я не буду даже знать, получено ли оно.

Обращаюсь к Вашему отзывчивому сердцу, горячо прошу, притом, без промедления, передать мое заявление по назначению и походатайствовать перед ГПУ своим добрым и веским словом за моего несчастного мужа. Вы делаете так много добра, помогите же и нам, чтоб этот жестокий и несправедливый приговор был хотя бы смягчен, а, если можно, то заменен свободной высылкой. Горько и больно, когда горячо любимый человек страдает безвинно и когда ему даже грозит гибель. Если его сошлют на 10 лет в концлагерь, то мы с ним больше и не увидимся...

Сжальтесь и спасите!

Для ознакомления с делом, прилагаю копию написанного в ОГПУ заявления, причем, очень прошу ознакомиться и с приложениями, подтверждающими полную невиновность моего мужа.

С горячей надеждой на Вашу милосердную помощь.

Лидия Максимова.

10. IX. 1931 г<ода>.

Адрес: Аджаристан, ст<анция> Чаква
сел<ение> Цихис-Дзири»⁵.

К письму жены Лидии Максимовой была приложена копия ее заявления в ОГПУ. .

<10 сентября 1931>

«В ОГПУ

гр<аждан>ки Лидии Максимовой.

Заявление

— в дополнение к заявлению мужа моего, подробно излагающего прохождение своей службы.

Мой муж Николай Сергеевич Максимов, 62 лет, житель Аджаристана, с<ело> Цихис-дзири, арестован 20.III. 1931 г<ода> и препровожден в Тифлис.

Полковник царской службы, он произведен в генералы революционным приказом 2. IV. 1917 г<ода>.

В белой армии не служил.

В 1918-1919 г<одах>, будучи начальником Особого Ликвидационного Отдела при штабе Кавк<азского> фронта, пострадал и от груз<инского> меньшев<истского> правительства (обыск и арест), и от белых.

С 1922 г<ода> служил в Красной Армии (ГУВУЗ и МУВУЗ).

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 769. С. 135-136. Автограф.

В 1924 г<оду> в чине ком<андира> див<изии> уволен в бессроч<ый> отпуск.

Последние 7 лет работал по сельскому хозяйству — на культурных плантациях Черноморского побережья.

В 1928 г<оду> снят с учета военнообязанных, как инвалид. Несмотря на это, ввиду тяжелого материального положения, принужден был заниматься непосильным трудом чернорабочего.

За старую свою службу (если она карается), он отбыл уже 1½ года (Новопеск<овский> и Покр<овский> концлагерь в Москве в 1921-1922 г<одах>), будучи арестован 23 марта 1921 г<ода> с приходом красных в Батум, приговорен к 2 годам и освобожден до срока.

В 1927 и 1930 г<одах> обвиняемый по ст<атье> 58, он был арестован, и следственная власть, ознакомившись с его старой службой и удостоверившись в его полит<ической> благонадежности, каждый раз его освобождала. Оба раза ему не было предъявлено никаких конкретных обвинений. Таким образом, обвинение по ст<атье> 58 отпадало, ввиду отсутствия состава преступления.

На этот раз, обвиненный Зак<авказским> ГПУ по той же статье, он осужден, хотя конкретных данных нет и на этот раз. Следствие и раньше велось неоднократно, жизнь и судьба моего мужа вдоль и поперек известна органам ГПУ, и материалы, имеющиеся там по его делу, доказывают его полную невиновность за все эти годы. А в этот короткий промежуток (10 месяцев), между последним освобождением и новым арестом, он работал на земле, на глазах сельчан, а вместе с тем проработал для Бюро Краеведения в Батуме два ценных научных труда по флоре Аджаристана. Эта физическая и умственная работа поглощала его целиком. Все это должно быть прекрасно известно всезнающему ГПУ, так что обвинение в каких-либо контрреволюционных действиях или организациях (ст<атья> 58-2) должно было отпасть.

Между тем, на этот раз, когда ему также не предъявлено никаких конкретных обвинений и виноват он не более, чем раньше, он осужден Зак<авказским> ГПУ на 10 лет, да еще обвиненный по статье 58-2, что ни с чем не сообразно, так как ни один пункт этого параграфа абсолютно к нему не применим! Считаю, что этот жестокий и несправедливый приговор мог быть только следствием рокового недоразумения. При возрасте, истощенности и болезненном состоянии моего мужа это равносильно смертному приговору. Дело послано в Москву.

Протестуя против этого незаслуженного наказания и будучи в полном отчаянии, обращаюсь к ОГПУ, стоящему на страже справедливости и правосудия. Прошу о скорейшем и детальном пересмотре дела для выявления полной невиновности моего мужа.

Оба мы старые и больные, и его ссылка будет гибелью и для меня, одинокой, нетрудоспособной и без всяких средств к существованию. С моей тяжелой болезнью сердца жить мне осталось недолго. Не отнимайте же у меня мужа — единственную опору и смысл моей жизни. Если он подлежит высылке, то дайте мне возможность дожить с ним эти последние годы.

Лидия Максимова.

10. IX. 1931 г<ода>.

Адрес: Аджаристан, ст<анция> Чаква

Закавказской ж<елезной> д<ороги>, сел<ение> Цихис-Дзири.

Л. В. Максимовой»⁶.

Благодаря ходатайству Помполита приговор Николаю Сергеевичу Максимова был изменен и тюремное заключение заменено на 3 года

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 769. С. 133-134. Автограф.

ссылки в Казахстан. В марте 1931 — Лидия Максимова вновь просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<31 марта 1932>

«Е. П. Пешковой
Помощь политзаключенным

гражданки Л. В. Максимовой

Заявление

Мой муж, Николай Сергеевич Максимов, по постановлению ОГПУ, в декабре 1931 г<ода> выслан в свободную ссылку в Казахстан, в г<ород> Алма-Ата на 3 года.

Еще в бытность в Тифлисском изоляторе, мой муж, как бывший краском, обратился к Наркому по Воен<ным> и Мор<ским> делам, тов<арищу> К. Е. Ворошилову.

В ответ на это, Нач<альник> 7 сектора Управления НКВМ и РВС, уведомил офиц<иальным> письмом моего мужа (№ 57 А), что его дело немедленно (17. XI. 1931) направлено в Комиссию при ВЦИК'е. На основании этого извещения, надеясь на смягчение (полное освобождение), я подала заявление в Зак<авказское> ГПУ (в нач<але> декабря), прося не высылать моего мужа с этапом до получения решения ВЦИК'а. Мне ответили, что приговор в ГПУ должен быть выполнен, а в случае смягчения от ВЦИК'а (т<о> е<сть> свободы), мой муж немедленно будет возвращен.

С тех пор прошло 4 месяца.

Есть ли ответ от ВЦИК'а, куда он направлен и каково его содержание, неизвестно.

Между тем, мой муж, едва перенеся все ужасы этапа, до сих пор находится в заключении на пересыльном пункте "вольной высылки" в г<ороде> Алма-Ата, страшно ослаблен и прямо погибает от голода. Причем, по его письмам, его собираются еще куда-то пересылать. А он ведь старик!

Прошу выяснить, каков окончательный приговор ВЦИК'а, и почему-то моего мужа даже не освобождают, как вольно высланного, а держат столько времени в заключении, что ему грозит гибелью.

Лидия Максимова.

31.III. 1932 г<ода>.

Аджаристан, ст<анция> Чаква, сел<ение> Цихис-Дзири»⁷.

В июле 1932 — Николай Сергеевич Максимов был освобожден из тюрьмы и остался в Алма-Ате.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 769. С. 142-143. Автограф.